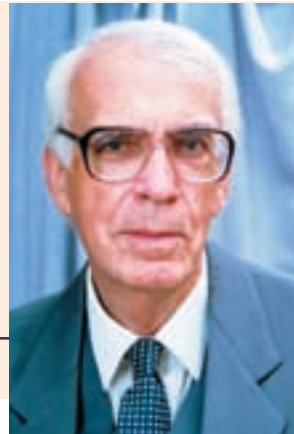




Е. В. Калач, С. Н. Пензин

## КИНО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА



В мае 2008 года отмечалось 100-летие российского кинопроизводства. Приятно сознавать, что самая первая русская игровая «фильма» «Понизовая вольница» («Стенька Разин и княжна», 1908) связана с Воронежем: ее сценарист В. М. Гончаров — наш земляк. Воронежцы смотрели ленту в «электро-театре» «Биограф», который открылся в 1907 году. Кино начала прошлого века принято сравнивать с младенцем, делающим первые неуверенные шаги, но публика его сразу полюбила. Для доказательства повышенного интереса к «синеме» в серебряном веке обратимся к тогдашней прессе.

Как вы думаете, сколько в начале XX века было в России периодических киноизданий? Представьте — свыше ста киножурналов и газет. Подавляющее большинство — в Петербурге («Вестник живой фотографии», «Кинокурьер», «Петербургский кинематограф» и др.) и в Москве («Вестник кинематографии», «Кине-журнал», «Кинемо», «Кино», «Новости экрана», «Прозектор», «Сине-фоно», «Экран и рампа» и др.). Имелось множество местных изданий. В Воронеже, кроме столичных, можно было выписывать из ближайших городов «Живой экран», «Синема» (с 1914 г. — «Кинема») из Ростова-на-Дону, «Мир артистов», «Экран» из Харькова.

«Синемой» сразу же заинтересовались учителя гимназий и училищ. В Зональной научной библиотеке ВГУ мы нашли три интересных документа об отношении тогдашней педагогики к «чуду века» — к кино. Это статьи «Кинематограф на службе у истории и истории литературы» (журнал «Вестник воспитания», 1914, № 8), «Кинематограф и школа» (журнал Министерства народного просвещения «Свободное воспитание», 1912—1913, № 2), «Кинематограф и учащиеся. Ученическая анкета» («Свободное воспитание», 1916—1917, № 1).

Все три статьи стали для нас сенсацией. Мы плохо знаем «синему» начала прошлого века, благодаря которой в России начался бум строительства «электро-театров». В Воронеже ко времени публикации третьей статьи помимо «Биографа» открылись «Палас», «Модерн», «Тауматограф», «Гелиос», «Ампир» (ныне «Спартак»), достраивался «Увечный воин» («Пролетарий»). Оказывается, педагоги предугадали громадный потенциал и счастливое будущее «живых фотографий».

Н. А. Саввин в первой статье свидетельствует: «Кинематограф в течение последних шести-семи лет стал потребностью общества; он вошел как нечто необходимое в сознание обывателя и вошел прочно, устойчиво вошел как одна из привычек современного уклада жизни. Кино — теперь, в наши дни, счастливый соперник театра... Средний, дюжинный обыватель охотно идет в кинематограф, и там он отрывается от гнетущей серой действительности. На его вкусы и потребности рассчитана программа кинематографического сеанса. Мелодрама, нервирующая, с потрясающими моментами, до крайности драматизированными, погружает зрителя в совершенно чуждый ему мир. Она дает ему яркие, сильные впечатления, такие, каких в своей тоскливо тянущейся жизни, однообразной и унылой, он не знает. Зачастую эта мелодрама берет сюжет из так называемой «великосветской» жизни. На экране для незыскательного человека хорошо одетые актеры кажутся чуть ли не богами или людьми из другого мира... Дальше пьеска с участием неизменных Глупышкина и Макса Линдера — ряд глупых, нелепых, но смешных сцен. Чего же больше? Программа составлена с тонким расчетом на психологию нетребовательного потребителя кинематографа. Прибавьте сюда какую-нибудь видовую картину и в заключение — журнал Патэ, который “все видит, все знает, все слышит”. Так рассчитанный на все

вкусы кинематограф постепенно захватил в свою власть ишушего развлечения и забвения от действительности обывателя».

Автор признает, что «было бы глубокой несправедливостью видеть в кино только одни дурные стороны... Как демонстратор и наглядный истолкователь начал естествознания, кино — надежный слуга науки; здесь ему принадлежит славное будущее, и, несомненно, настанет время, когда каждая школа будет немыслима без кинематографической фильмы, открывающей перед удивленными взорами учащихся заманчивые, поистине волшебные перспективы... Выиграла с кинематографом и география». Bravo, наш далекий коллега-предшественник! Солидарны! «И кино в этом отношении не стоит на месте, оно идет вперед». Еще раз виват! «Но кинематограф выступает еще как пособник истории и как истолкователь художественных произведений...». Далее — детальный анализ возможностей нарождавшегося экранного искусства для преподавания истории и литературы.

Педагогический журнал с символическим названием «Свободное воспитание» в статье «Кинематограф и школа» знакомит с зарубежным опытом: «Комитет общества распространения кинематографа для народа и для учащихся в школах при Германском обществе народного образования созвал в Гросс-Берлине собрание, которому предложено обсудить: 1) два способа использования живых картин кинематографа для преподавания в школе и при школьных праздниках: или школы должны приобретать аппараты, или ученики должны посещать кинематографы; 2) чтобы облегчить учительскому персоналу знакомство с новыми картинками, комитет общества предполагает устраивать через две недели представления для осмотра новых картин, выпускаемых на рынок и отвечающих потребностям школы». Заметим: прошло почти сто лет, а о подобных информационных просмотрах для учителей можно лишь мечтать.

В том же обзоре — «ряд интересных фактов, которые указывают на то, что уже в настоящее время (т. е. в канун Первой мировой войны) в Америке пользуются кинематографом для целей преподавания в школе. Училишная администрация города Чикаго устраивала в нынешнем (т. е. в 1912—1913 учебном) году в школах собрания для родителей и детей два раза в неделю, на которых был использован в широкой степени кинематограф. Демонстрировались картины следующего содержания: производство пищевых продуктов; приготовление материи; пути

сообщения; стадии развития растений и животных; обработка железа; пейзажи, снятые с железной дороги, пароходов, аэропланов; представления классических драм известными артистами; события дня».

А чем в начале прошлого века «синема» привлекла учащуюся молодежь в России? Чему отдавали предпочтение, что смотрели гимназисты и реалисты? В поисках ответов вновь перенесемся почти на сто лет назад в год начала Первой мировой войны. Автор третьей статьи «Кинематограф и учащиеся», скрывшийся под инициалами «Л. С.», подробно рассказывает «о материалах ученической анкеты о кинематографе, произведенной учеником VII класса Челябинского реального училища М. Голубых в 1914 году». Вызывает восхищение, что с почином анкетирования своих товарищей выступил не педагог и не общественный деятель, а старшеклассник. Никогда ни о чем подобном в наше время не слышали. Миша задался целью выяснить, насколько сильно увлечение чудом века среди воспитанников реального училища, чем именно привлекает экран молодежь. Поражает научная грамотность в составлении пяти вопросов.

1. Часто ли бываете в кинематографе?

2. В какое время: в учебное или каникулярное?

3. Какие картины вам нравятся и почему?

4. Ходите ли в кинематограф с родителями или одни?

5. Ходите в кинематограф случайно или намеренно?

Шла война; юный социолог хотел еще больше актуализировать анкету и «выяснить, как относятся учащиеся к “военным” картинам. Но этот специальный вопрос был отставлен. Как оказалось впоследствии, сами учащиеся в ответах без напоминания отмечали свое отношение к подобным картинам».

Не правда ли, анкета — чудо, если помнить, что она составлена почти сто лет назад и ее автор — школьник 15—16 лет. Нельзя не воздать должное учителям реального училища, чей воспитанник продемонстрировал умение самостоятельно и логично мыслить. Миша осознал главное: фильмы создаются для того, чтобы их смотрели. Ученик имел представление о политической экономии, согласно которой фильм — продукт, зритель — потребитель. Второй и четвертый вопросы адресованы не всей публике, а школьным товарищам. Даже в современных анкетах не встретишь вопроса о времени «культпохода в кино»: в учебное или каникулярное. В после-

военных мужских и женских школах часто совершались побеги с уроков в кино чуть ли не всем классом. Это рассматривалось как провинность, требующая наказания. И никому не приходило в голову исследовать причины столь массового явления. Важен для детской аудитории и вопрос, ходите в кинематограф с родителями или одни. Юноша инстинктивно нащупал проблему, названную позже «Кино и зритель», понял, что детская и молодежная аудитория принципиально отличается от взрослой.

Как хотелось бы подробнее узнать, кто таков необычный поклонник кино Миша Голубых. Увы, и он сам, и автор статьи навсегда останутся нераскрытой тайной. Основной текст статьи — детальный анализ итогов анкетирования.

Итак, во всех классах было роздано 370 листов с пятью вопросами, возвращено с ответами 297, т. е. 78 %. Что «синематограф» уже занимал прочное место в жизни школьников, доказывают следующие цифры. Только 26 учеников, т. е. 9 % ответили, что никогда не были в кинематографе. Не успевшие познакомиться с чудом века встречаются только в первых четырех классах. Остальные 91 % учащихся посещают «электротeatры» «редко» (один раз в месяц — 56 %), «средне» (от трех раз в месяц и больше — 13,4 %), «часто» (один-два раза в неделю, т. е. не пропускают ни одной программы — 29,8 %).

Автор обращает наше внимание на резкое падение интереса к кино среди старшеклассников. Он объясняет это тем, что «более взрослая молодежь вполне определенно начинает чувствовать пресыщение кинематографом, который оказался неспособным ответить на повышенные запросы юношества («Кинематограф для меня ничего интересного не представляет». «Часто в кинематографе картин не смотрю, а разговариваю с соседями»).

На второй вопрос 48 % учащихся ответили, что посещают кинематограф в «учебное время», 39 % — «в каникулярное», остальные 12 % бывают там круглый год. Данная тенденция сохраняется и сегодня: летом мы все меньше увлекаемся чисто «комнатными» (в терминологии автора) развлечениями, к тому же многие разъезжаются по деревням и дачам («Летом и без того много удовольствий». «Предпочитаю гулять»). Автор делает интересное обобщение: «Но в учебное время детей гонит в кинематограф не одно отсутствие удовольствий. Учебное время настолько тяжело, угнетающе действует на психику

учащихся, что кинематограф является в своем роде опиумом, к которому юношество прибегает, чтобы «забыться». Недаром комические ленты занимают первое место в ответах учеников». Подобное явление было характерно и для послевоенного так называемого «трофейного» кино, служившего отдушиной и отвлечением от школьной схоластики и скуки.

Пятый вопрос дал ценный материал для суждения о том, с какими запросами подходит к кинематографу учащаяся молодежь. Намеренно посещают 67 % учеников, случайно — 33 %. Но сами по себе эти цифры мало говорят о настоящих намерениях ученика. Значит ли это, что он идет именно в кинематограф, а не в другое место, независимо от содержания картин? Или «намеренность» относится именно к программе? Автор сомневается, что молодежь внимательно выбирала картины. Парадокс: самыми солидными, разборчивыми посетителями кинематографа являются ученики первых четырех классов. Чем старше, тем безразличнее юный зритель к тому, что ему покажут. Малыши сто лет назад шли в кинематограф с самыми серьезными намерениями: «Они смотрят на него, как на просветительное учреждение, подобное школе, но только более занимательное. Из их среды не прозвучит ответ, вроде вышеприведенного: «Часто картины не смотрю, а разговариваю с соседями». Наоборот, первоклассник пишет: «Если учебные картины, то намеренно хожу, а на неучебные — случайно». Под «учебными» подразумевают, как можно судить по листкам, и видовые, и исторические, и научные, и картины по произведениям писателей-классиков, и даже хронику.

Вот подлинные ответы юных кинозрителей дотелевизионной эпохи: «Учебные» — видно, как добывают руду или льют чугун и др. металлы». «Научные, потому что редко можно самому увидеть настоящие явления». «Потому что из них получаешь довольно веские (!) сведения и узнаешь то, чего раньше не знал». «Потому что в них нахожу много поучительного». Это общие замечания: «...Классические, видовые и научные. При виде первых как-то отдыхаешь, и они знакомят с литературой, а литература — рассадник образования. Вторые и третьи удовлетворяют любознательность и пополняют наши знания по географии, этнографии, естественным наукам». «О жизни русских писателей, которые как учились и как воспитывались». «Исторические, потому что меньше пускается в ход фантазия». Но есть и защитники фантазии: «Сказочные драмы»;



Кинотеатр «Ампир», 1920-е гг.



Кинотеатр «Пролетарий», бывший «Увечный воин», 1938 г.



*Ученики Воронежского реального училища, начало XX в.*



*Здание городского зимнего театра, начало XX в.*

«Картины, в которых больше фантазии»; «Видовые и путешествия, потому что забываешь драки (!) и мысленно путешествуешь где-нибудь в джунглях Африки, Америки или Австралии».

«Запросы малышей, как видим, достаточно серьезны и многообразны, — делает вывод автор. — Чем объяснить, что в группах более раннего возраста так ясно очерчены острая любознательность, жажда знаний, а с V класса интересы резко меняются? Вместо «учебных» спросом начинают пользоваться драмы, фарсы, комические, «пикантные». Прежде всего повинны в этой метаморфозе общие условия школьной, семейной и общественной жизни, мало благоприятствующие расцвету индивидуальности. Пытливый, ищущий мальчик усилиями школы, педагогической бюрократии, а отчасти и семьи постепенно превращается в надломленного чиновника, отбывающего мундирно-учебную повинность».

Дорогой читатель! Перечитаем еще раз важнейшие мысли нашего отважного предшественника-учителя и задумаемся: а к нам, к современной средней и высшей школе это не относится? «Даже по форме ответов можно проследить, насколько ученики младших классов мыслят оригинальнее, ярче, смелее, чем старшие, — продолжает учитель-новатор. — Отчасти и сам кинематограф постепенно разочаровывает более требовательных мальчиков. Запас «учебных» картин так невелик, пополняется редко. Ленты этого типа короче куриного носа, тогда как всевозможные драмы и фарсы искусственно удлиняются. «Нагонят метраж» — таков термин, известный фабрикантам и кинематографистам. Кинематограф, который в иных, более нормальных условиях мог стать могучим просветительным средством, в руках предпринимателей-капиталистов делается орудием понижения морального уровня масс...».

Надо ли напоминать, что эти грустные наблюдения сделаны задолго до современных телесериалов. Отметим также, что схожие мысли встретились у другого педагога того же времени — в статье Н. А. Саввина 1914 года «Кинематограф на службе у истории и истории литературы»: «Кинематограф как пособие истории очень ненадежная в научном смысле величина, и пройдет еще много времени, прежде чем всемогущее кино станет неотъемлемой принадлежностью исторического кабинета в средней школе... И кто может учесть роль «великого немого» в нашем литературном одичании? Кино вырабатывает при помощи мелодрам особую мораль, но оно

же подсовывает свою собственную историю и дает искаженное литературное произведение; широкие слои публики проглатывают эту нездоровую пищу, и нет сил бороться с этим явлением. Расплачиваться же придется теперешнему молодому поколению, когда оно будет «строителем жизни».

Интересны ответы на вопрос: «ходите в кинематограф одни или с родителями». С папой, мамой, родными или вообще со старшими ходят в кино 33 %, одни или с товарищами — 67 %. «Начиная с V класса, направляющая рука родителей исчезает, — напоминает статья. — Происходит ли это потому, что авторитет родителей к известному возрасту детей сильно умалется или ослабляется нравственная связь между «отцами и детьми», — сказать трудно. Из ответов детей можно видеть, что у них с отцами весьма мало общих интересов, мало взаимного понимания. В ответах некоторых малышей сквозит гордость, что они уже начали ходить в кинематограф без родителей. Совершенно определенно отвечают старшие классы: «Бываю в кинематографе преимущественно с барышнями, иногда один, но никогда с родителями». «Скорее пошел бы с людьми одинаковых со мной требований, т. е. с товарищами». «Один, ибо очень не люблю сидеть с гимназисткой на глазах родителей».

Наконец, самый интересный вопрос, какие картины больше всего нравились разным возрастным группам учащихся. На первом месте — комические, отмеченные в 24,3 % ответов. Старшие вообще довольно безразличны к содержанию картин. «Да и не может их удовлетворить балаганное кривляние Глупышкина с Дурашкиным, — считает автор. — У остальных симпатии к комическим довольно прочны. Первоклассники объясняют это просто: «Люблю смешное». У более взрослых мотивы серьезнее и определеннее: «Комедия, потому что много выдумки, а видовых хороших не ставят». «Потому что рассеивают дурное настроение». «Комические заставляют посмеяться от души и забыть все невзгоды». «Так как после нашей ученической жизни чувствуется сильное утомление, то интерес представляет видеть веселые картины». «Комические, потому что забываешь обыденную жизнь и смеешься беззаботным детским (!) смехом». Ответы приводят автора в отчаяние: «В IV классе дети уже скрывают об утраченной способности посмеяться беззаботным детским смехом. В “золотую пору малолетства” учащиеся уже надломлены. Им известно “дурное настроение”, “всякие невзгоды”, от которых хочется забыться,

“сильное утомление”, тягость “обыденной жизни”... Детские годы нашей молодежи протекают в высшей степени тяжелой, душной атмосфере средней школы. Вместо безоблачного солнечного детства — томительные годы подobia места дисциплинарного заключения формализмом, фальшью, несуразными программами, внешкольным надзором и последовательно проводимым насилием над чуткой детской душой. И вот — надломленность, утомление, привычка к искусственно возбуждающим веселье средствам, своего рода “морфинизм”... Безобидный с первого взгляда факт тяготения учащихся к комическим картинам при вдумчивом рассмотрении оказывается “свидетельством о бедности” нашей общественной, семейной и особенно школьной жизни. Нищие — мы не бережем душевных сил молодой России, безрассудно тратим их, опустошая сад жизни...”.

Комментарий, как говорится, излишен. Не менее грустные размышления вызывают у автора ответы, в которых реалисты признаются в симпатии к жанру, занимающему у них второе место по популярности (19,9 % всех ответов) — «драмы». «Седьмой класс и здесь поддержал свою репутацию “скептиков”: “Драмы не нравятся, потому что много выдумки и глупости, действующей на нервы”». Трудно оспаривать справедливость этой оценки современных драматических лент «Сашка-Семинарист», «Сонька-Золотая ручка», «Рокомболь», «В тине разврата». Трудно оставаться спокойным, характеризуя эту отвратительную смесь слезливой мелодрамы с бесшабашной уголовщиной, пинкертоновщиной и порнографией. Растворяющее влияние этого сорта картин, особенно на свежую, чуткую душу, — огромно. Установлено исследованиями криминалистов влияние кинематографических драм на рост и формы преступности, особенно детской.

Но чем же все-таки привлекают «драмы» учащихся? Характерны ответы третьеклассников: «Драмы, для понятия жизни». «Драмы, потому что о жизни человека». «Драмы, за правдоподобные сюжеты». Третьеклассники и здесь остаются верны своему взгляду на кинематограф, как на школу жизни. Можно

сожалеть, что дети слишком рано начинают стремиться к «понятию жизни», но еще более нельзя не пожалеть, что изучается и понимается ими жизнь по «сильнодействующим», «захватывающим» драмам кинематографа. Школа регламентирует каждый шаг ребенка. Семья обстоятельно и педантично учит шаркать ножкой, «правильно» держать вилку. А когда у мальчика просыпается желание «понять жизнь», он не обращается ни к школе, ни к семье. Идет в кинематограф, где показывают захватывающую драму длиной в 3000 метров с несравненной Астой Нильсон в главной роли. Семья и школа стоят далеко от внутренней жизни молодежи. Последняя предоставлена самой себе и влияниям улицы, экрана...».

Читая искренние признания далекого коллеги, трудно удержаться от параллели с современностью: «Казалось, им все равно, что смотреть: им нравились послеобеденные мыльные оперы, они не переключали детские программы; но больше всего по душе им был вечерний кровавый пир. Стрельба и убийства, пытки, драки — вот чем они питались. Гарриет наблюдала, как они смотрят, — казалось, будто они вправду были частью экранного сюжета. Они бессознательно напрягались и изгибались, скалились, делали торжествующие или жестокие лица; испускали стоны, вздохи, возбужденные крики: “Так его, давай!”, “Вспори его!”, “Вали его! Кроши его!” И стоны бурного соучастия, когда пули бьют в тело, когда хлещет кровь, когда визжит истязаемая жертва». Это мать старшекласника из романа «Пятый ребенок» лауреата Нобелевской премии по литературе за 2007 год Дорис Лессинг с ужасом наблюдает, как сын с друзьями смотрят «ящик» — TV.

Так и хочется спросить: неужели Ч. Чаплин, С. Эйзенштейн, И. Бергман, Ф. Феллини, А. Тарковский, А. Куросава и другие выдающиеся мастера кино трудились напрасно? И кинематограф, создав за короткое время (всего один век!) множество первоклассных произведений, не приучил молодежь их по достоинству ценить? А современные тинейджеры, как и сто лет назад, довольствуются кичем, ремесленными поделками?

